

ПРАВОСЛАВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ В РОССИИ НАКАНУНЕ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОГО ТВОРЧЕСТВА И ДРЕВНЕРУССКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

М. А. ГОНЧАРОВ

В статье изложены результаты исследования, посвященного становлению и развитию системы воспитания в России накануне XVIII в. Показано, что к началу XVIII в. существовала самобытная истинно русская православная парадигма воспитания на основе глубоких традиций народной и православной педагогики, которые способствовали тому, что многие русские люди искренне верили во всеобщее благоденствие и желали его для всего народа, развивали общинные нормы жизни, в том числе и в воспитании детей «всем миром». Самобытность понимания просвещения у русского народа выражалась в стремлении обеспечить бессмертие рода, а укрепление многодетной семьи было одной из форм проявления любви к родной земле, служения Родине, ее благополучию. Глубоко гуманными были идея и практика учения «жизнь для других», учета потребности других людей — без ущерба для них и себя. Это помогало осознанию молодыми своего места в человеческом сообществе, воспитанию ответственности перед окружающими. В «учительных» произведениях Древней Руси отражен народный опыт целенаправленного воспитания любви ко всему живому, трезвости, выносливости в труде и преодолении жизненных невзгод; умения не вызывать озлобленности людей в общении, а также широкого использования приемов предупреждения отроков о возможных негативных последствиях нарушения норм общежития. Данные выводы основываются на всестороннем анализе устного творчества, древнерусских произведений «Пчела», «Пouchение Владимира Мономаха детям», «Гражданство обычаев детских» Епифания Славинецкого, анализе деятельности академий — Могилянской в Киеве и Славяно-греко-латинской в Москве.

В настоящее время российская педагогическая наука и практика обращаются к лучшим научно-практическим достижениям прошлого, к трудам представителей отечественной и зарубежной педагогики, чьи теоретические разработки пронизаны идеями просвещения, заботой о воспитании и образовании человека, формировании гармоничной личности. Прогрессивный, испытанный и апробированный в историческом процессе опыт прошлого часто отвечает задачам настоящего времени, предоставляет неисчерпаемые воспитательные и образовательные ресурсы, избавляет от необходимости заново открывать педагогические истины, уже известные предшествующим поколениям, предостере-

гает от совершения педагогических ошибок, позволяет строить качественно новые образовательные системы на испытанном фундаменте. Для подавляющего большинства педагогов всегда было очевидно, что в экономическом, духовном и культурном становлении и развитии государства и общества в целом приоритетная роль должна принадлежать воспитанию и образованию. Эта идея соответствует тенденциям социального развития общества и в наши дни. Поэтому изучение лучших педагогических достижений прошлого, исследование и анализ важнейших направлений в истории педагогической мысли могут принести не меньшую пользу в развитии современной системы образования, нежели те или иные нововведения.

Вопрос о самостоятельности исторического пути России, о ее вкладе в генезис мировой философской, культурной и педагогической мысли является предметом активных споров с XIX в., еще со времен славянофилов и западников. Наиболее пессимистично и с болью о судьбе России высказался «христианский философ» П. Я. Чаадаев в своих известных философских письмах: «Разобщенные какой-то странною судьбой от всемирной жизни человечества, мы ничего не извлекли даже из идей, которые сообщаются человечеству преданиями. Мы растем, но не зреем; идем вперед, но по какому-то косвенному направлению, не ведущему к цели»¹. Российский философ и публицист И. В. Киреевский подчеркивал, что в то время как европейская культура сложилась из трех элементов — христианства, варварства и античной культуры, развитию России недоставало последнего, хотя мы и имели христианскую религию еще до X в. и у нас были свои варвары. По Киреевскому, отсутствие культурной подготовки, какую давал классический мир, парализовывало у нас и влияние религии. Голос защитников высокой культуры Древней Руси долгое время не был громок и не стимулировал развития истории национальной педагогики².

И все же устные и письменные источники достаточно убедительно показывают, что еще со времен Древней Руси в воспитании молодого поколения использовались идеи и практические приемы человеческого к нему отношения. Сведения об этом, в частности, сохранились в памятниках народной педагогики. Это, во-первых, произведения фольклора, предназначенные для бытования в детской среде, — колыбельные, потешные песни, частушки, прибаутки, приговорки. Большое воспитательное значение оказывало и содержание сказок, былин, легенд, пословиц, трудовых, героических и обрядовых песен. В них одобрялись и восхвалялись лучшие человеческие качества — трудолюбие, взаимопомощь, смекалка, отвага, любовь к родной земле, доброделание. А народные обычаи, ритуалы закрепляли эти качества до уровня положительных привычек. Лень, нерадивость, неумелость в делах, грубость и злонамеренность порицались.

У народа синкретический опыт поколений. Так, в одном конкретном произведении народного творчества подчас находят свое выражение одновременно многие нравственные нормы: отношение к родителям и другим членам семьи,

¹ Тарасов Б. П. Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // П. Я. Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989. С. 9.

² См.: Школа педагогики в культуре Древней Руси. Ч. 1 / О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова, сост. М., 1992, С. 75–76.

к земле, природе, традициям народа, чужим людям, самому себе. Подобный опыт, выраженный в идеях и наставлениях, «готовых мыслях, отобранных и отшлифованных в течение тысячелетий»³, является регулятором поведения новых поколений.

Произведения народного творчества служили, бесспорно, средством воспитания подрастающих поколений. Дети, осваивая мифологическую культуру, накапливали впечатления об образах некогда живших (или созданных воображением сочинителей) персонажей, учились сопереживанию с ними. Одобрение старшим поколением благородных, бескорыстных поступков и действий героев произведений фольклора помогало детям усваивать те нормы поведения в обществе, которые устанавливались в естественных условиях жизни.

Особенностью бытия народа на Руси на протяжении многих веков была организация жизни «всемирно», благодаря чему дети имели в трудовых делах и в общественных зрелищах свою долю участия, впитывали традиции народа через совместные действия со взрослыми. Традиционно гуманной ценностью народа была любовь к семье, особенно к родителям, почтение к представителям старшего поколения вообще. Семьи были многопоколенными (три-четыре поколения) и многодетными. Как показывают произведения народного творчества, благополучие Родины и забота о ее процветании рассматривались как возможность продолжения рода, сохранения заветов предков, народного материального и духовного достояния. Об этом свидетельствуют и традиционная забота о ребенке, доброе к нему отношение, его физическое и нравственное закаливание без попустительства и баловства. Уже с младенческого возраста мать, напевая ребенку песню-сказку о сороке, при активном участии ребенка раскрывала ему правило народной жизни: надо всегда трудиться, труд вознаграждается. Народная педагогика давала и ориентацию на то, что человек должен жить не только для себя, но и для других. «Другие» почитались как судьи справедливые по принципу: «Хочешь знать, кто ты такой, спроси об этом у других». Этот принцип учил управлять собой, исходя из потребностей жизни среди других людей, и оценивать себя всеобщей меркой, а не только под влиянием своих намерений. Ориентирование на опыт старших, оценку окружающих помогало молодым познавать правду жизни, учиться удовлетворять свои интересы не в ущерб окружающим.

В пословицах, поговорках и других малых формах фольклора просматриваются родительские ценности, смысл и значение домашнего очага, трепетное отношение к кровным родственникам, особенно к детям. Воспитывая доброжелательность, правдивость, вежливость, послушание, семья стремилась к тому, чтобы дети были любимы окружающими, как можно меньше страдали от плохих привычек. Повсеместно использовались такие приемы внушения необходимости правильного поведения: «А подумай, что люди скажут». Или, поощряя добродетель, побуждали пословицей: «И пчела не на себя работает». Целью народного воспитания было подготовить молодое поколение к трудовой жизни. Основным же средством подготовки к такой жизни был труд. Ребенка с раннего возраста включали в те виды трудовой деятельности, которыми были заняты старшие: земледелие, ремесла. Благодаря такому приучению к труду молодой

³ *Афанасьев Т. М.* Семейные портреты. М., 1985. С. 25.

член семьи к 14–15 годам знал всю домашнюю работу взрослого, и юноша мог полностью заменить в делах отца, а девушка — мать. Включая детей в посильную трудовую деятельность («как только сам встал на ноги»), их приучали всматриваться в явления природы, в изменения окружающей жизни и тем самым развивали их силы и способности слышать, видеть, наблюдать жизнь, размышлять. Участие детей вместе со сверстниками и взрослыми в посильных для них видах семейно-бытовой, хозяйственно-трудовой деятельности способствовало тому, что дети в достаточно раннем возрасте овладевали на практике нормами взаимоотношений между людьми и начинали осознавать свое место в человеческом сообществе. Это, в свою очередь, вело к формированию представлений об обязанностях человека в мире.

Как можно заключить при анализе содержания произведений устного народного творчества, большинство из которых использовались преднамеренно в целях воспитания детей, наиболее ценными в народе считались следующие качества человека: трудолюбие, отзывчивость, милосердие, доброта, правдолюбие, честность, справедливость, вежливость, скромность, великодушие, гостеприимство. Не менее ценными были: сдержанность, мужество, решительность, бесстрашие, верность слову. Вместе с тем как добродетели расценивались бережливость и щедрость.

Особые человеческие достоинства русичей отражены не только в источниках русской национальной культуры. Есть свидетельства южных соседей Руси о результатах воспитания в ней детей. Так, Прокопий Кесарийский (VI в.) указывал на ряд черт славян: обостренное чувство общности и справедливости, религиозность, устойчивая вера в верховного бога, добронравие, воинская обученность. Византийский стратег Маврикий отмечал и такие качества, как свободолюбие, мужественность, физическая развитость и закаленность⁴.

С принятием Русью в X в. христианства в образовании и воспитании стал проявляться ряд особенностей. Как указывает О. Е. Кошелева в статье «“Душевное строение” в Древней Руси», главным в воспитании юношей стало приобщение человека к Богу, наставление их на путь спасения души. Религиозная литература, храмы, иконы и фрески раскрывали главные представления христианской философии — любовь к Богу, к миру, человеку, а также всякой «твари» — и являлись одновременно проводниками реальных добродетелей — покорности, трезвости, послушания.

Православие на Руси выполняло функции воспитания и просвещения в семье, благодаря чему укрепляло устои и обычаи этноса. В народе высоко ценилось умение жить по христианским заповедям. Следование заповеди «Не убий!» вытекало из практического стремления к миру, защите человеческой жизни; «Не укради!» соответствовало потребности жить личным трудом, а также сохранять достояние, созданное умом и руками людей. Толкование любви с позиций православия могло успешно вписаться в народный быт, а оно предполагало: любовь — это и милосердие, и долготерпение, и жалость, и нежность. Причем, как отмечает О. Е. Кошелева, педагогика с позиций православия стремилась помочь

⁴См.: Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 270.

человеку сердцем принять христианские добродетели, внутренне обратиться к Богу и быть нравственным в своих поступках⁵. В русском воспитании широко использовались Послания Апостолов, в которых утверждалось, «что любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, ... все переносит» (1 Кор 13. 4–8)⁶.

Православные нормы поведения уделяли большое внимание научению христиан внутреннему устремлению к добру, умению принести радость другим. Для этого в ходе церковных служб сообщалось о том, что все таинства церковные благодатны, врачуют грехи и немощи людские. Совершив таинство Крещения, каждый приобретает ангела-хранителя, заступника, берегающего и вразумляющего, а главное — слышащего и молящегося за того, кто под его покровительством.

Именно в любой нужде человек может обращаться в своих молитвах к небесному покровителю, чье имя он носит, с просьбой о помощи, всегда и во всем, на каждый день и каждый час. Так создавалось представление о причастности человека к вечности. И если молитвы не были услышаны и помощь не поступила, этому в религии тоже находилось объяснение: сильно нагрешил человек. Детям с раннего возраста раскрывали истоки грехов, чтобы уберечь от их пагубных последствий. Грехом называли сластолюбие, самоугодие, неумение устоять перед соблазнами. Грехом считались и поступки, быть может, добрые по результату, но совершенные по принуждению извне, а не «доброхотно». Воспитывали «вкус» послушания и умение выполнять все, что необходимо и еще что-то сверх этого. И все это для спасения души: не капризничать, не ломать ценных предметов (что так часто случается в жизни детей), не обижать людей, живых тварей и т. д. Таким образом, велось воспитание по предупреждению несправедливого поведения детей. Воспитатели-христиане в России реально оценивали возможности детей, понимали, что знания о необходимости поступать в соответствии с нормами растущего человека не всегда ведут к выполнению этих норм. Закаляя волю детей, им предписывали следовать всем правилам без изъятия, с надеждой на благополучное их выполнение, если уповать на Божью помощь и самим при этом очень постараться достичь желаемого.

В морали православия имелись нормы, практическое выполнение которых создавало своеобразную мотивацию к самосовершенствованию. С одной стороны, это мотивация морального поведения в страхе перед Богом. Те, кто верит в бессмертие души, верит и в то, что предстоит нести ответственность за поступки, помыслы, за несправедливое добро, за нанесенную кому-то обиду, за несправедливый шаг на пути к Богу. И чтобы не ждать печальной расплаты, необходимо в земной жизни приуготовлять себя к вечности. Детям давали конкретные советы, наставления по приуготовлению себя к ответу за поведение. Им раскрывали, что следует из того, что они не удержались и сотворили плохое. Это значит, что они не только огорчили кого-то на земле, а своим грехом прогневили Господа. Поэтому

⁵ См.: Кошелева О. Е. «Душевное строение» в Древней Руси // Свободное воспитание. М., 1992. Вып. 1. С. 15–18.

⁶ См.: Там же. С. 19.

сразу же следует попросить прощения у того, кого обидели («а не носить в себе яд обиды, прячущейся в человеке в виде змеи»). И просить прощения у Господа, покаяться, поведать Всевышнему о своих недостойных поступках. Такой прием самооценки поступков давал кающемуся в прегрешениях душевное облегчение и успокоение совести: он сожалеет о происшедшем и просит прощения в надежде, что верховная сила поможет ему не повторять неверного шага. Облегченные покаянием, дети в простоте сердца забывали и те обиды, которые нанесли им, стремились совершить что-то доброе, ожидая одобрения, веря, что даже если никто из окружающих не заметит их усердия, им, в конце концов, искренность «зачтется». Такое постоянное самопобуждение к оценке своих поступков (и даже помыслов) охраняло от многих душевных конфликтов, позволяло вслед за слезами покаяния переживать радость прощения и освобождало от ненужного страха.

Характерно воплощение православной морали в «Слове некоего отца к сыну своему, слова душевнополезные»:

«1. Сын мой и чадо, приклони ухо твое, внимая отцу своему, изрекающему тебе спасительное.

2. Чадо, собери разум сердца твоего и внимай словам породившего тебя, ибо не во вред душе твоей, но во укрепление разума и к Царству Небесному они поведут тебя.

4. Чадо, избери житие тех и тех в образец возьми и тех последуй делам, и вникни, каким путем они шли и какою стезею пустились по жизни.

7. Сожми кулаки на стяжание греховных богатств сего света, но ладони прости на милость к убогим.

8. Не стыдись преклонить свою голову перед любым, кто создан по образу Божию, тех, кто старше годами, почтить поспеши и успокоить старость его постарайся.

9. Равных себе миром встречай, меньших тебя с любовью прими, тем же, кто выше тебя, старайся не прекословить.

13. Чадо, голодного накорми, как Господь тебе сам повелел, жаждущего напои, путника привечай, посети больного, в темницу войди — взгляни на беду их и — вздохни.

15. Порадовался ли за обедом — возвесели и скорбящего, порадовался ли чему — порадуи и сетующего, почтили ли тебя, богатого, — почти же и ты — убогого, весело ли ступаешь по ступеням, от князя выходя, — сделай так, чтоб в доме твоём не ходили в печали.

16. И то уже не малая милость, если твои домашние без скорби и воздыхания и без плача пребудут, если же заслужили наказания за какую вину — прости их»⁷.

В православной педагогике было укоренено начинать день и взрослых и детей не с суетой и горячкой, а с терпением и кротостью (с молитвы). Это был своеобразный и ежедневный настрой на преодоление трудностей. И на каждый вид дел-работ были свои мысленные обращения о помощи. Если о труде — то и о неутомимости, если о встрече с людьми — то и о добром слове, улыбке. Ежедневное выполнение ритуалов — это первоначально и самопринуждение, т. е.

⁷ Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) / В. В. Колесов, пер. М., 1989. С. 45–47.

упражнение в однотипных действиях, которые впоследствии переходили в привычку. Особенно результативными подобные действия были в ситуациях, когда дети выполняли обряды в кругу семьи со всеми вместе или в храме, совместно с родственниками, соседями и даже незнакомыми людьми. Созерцание икон в сочетании с пением духовных псалмов, песнопений служб включало в процесс восприятия содержания норм поведения и эмоции, и разум. И возникала атмосфера, которую считали одной из черт явления, называвшегося «соборностью»: вместе трудиться, вместе радоваться и праздновать, вместе молиться. На примерах деяний канонизированных великомучеников-святых учили воздержанию (особенно во время постов), умению отдавать другим не только излишки своего достояния, но и последнее. Привычка отдавать перерастает в добродетель, если поддерживается родными, близкими людьми, наставниками.

Особо следует подчеркнуть такую важную идею православного воспитания: «Не судить других». Считалось, что осуждение других позволяют себе те, «чье сердце находится в обольщении, в ком поселилась гордыня. А угодны и в миру, и в религии те, кого подчас и не замечают, ибо они тихи, мирны, благожелательны, они не вызывают озлобленности, т. е. не увеличивают зла среди людей»⁸.

В православии важное место отводилось воспитанию умения переносить все скорби, болезни, страдания без ропота. Это положение предписывало избегать разъедающих нравственность жалоб, стремления оправдать свое неверное поведение, перекладывать ответственность с себя на других, что, в конечном счете, побуждало прилагать усилия для поиска путей жизни, достойной человека. Мужественно встретить свой конец может лишь тот, кто жил по совести, делал добрые дела на земле и этим заслужил память и уважение потомков. Воспитанию уверенности в том, что ушедший из жизни человек будет вечно в памяти поколений, служил обряд поминания усопших. Менталитет наших предков, согласно утверждению историка и педагога Г. Б. Корнетова, имел своеобразие: «Душевное строение органически дополнялось профессиональной подготовкой, а также народной педагогикой, в свою очередь базировавшейся на православных принципах»⁹.

Культура Древней Руси включает в себя произведения не только религиозного, но и светского содержания. Высокую оценку ученых получил труд Владимира Мономаха «Поучение Владимира Мономаха детям». «Поучение» по праву считается первым русским светским педагогическим сочинением. В нем автор стремится наставить потомков в духе заботы о человеке, и не только о близком, кровном родственнике. Он завещает почтительно относиться к старшим, вежливо к равным, быть трудолюбивыми, защищать страну. «Всего же более убогих не забывайте, но поскольку можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души»¹⁰. «Поучение» не просто предписыва-

⁸ Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.)... С. 45–47.

⁹ Корнетов Г. Б. Гуманистическое образование: традиции и перспективы. М., 1993. С. 74–75.

¹⁰ Литература Древней Руси: Хрестоматия / Л. А. Дмитриев, сост. М., 1990. С. 116.

ет образ жизни и поведения в соответствии с нравственными правилами, оно также раскрывает отрицательные последствия для тех, кто указанные правила нарушает: «Лжи остерегайтесь, и пьянства и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас»¹¹.

Настольной книгой для домашнего самостоятельного чтения на Руси стал перевод византийского сборника сентенций «Пчела», составленный на основе изречений античных и христианских авторов. Книга была переведена на русский язык с греческого в конце XII в. Каждая из глав представляла собой тематическую рубрику: «О жизненной добродетели и злобе», «О мудрости», «О правде», «Об учении и беседе», «О почитании родителей» и т. д. Подобный сборник универсально-педагогического характера учил человека многим жизненным добродетелям: чести, достоинству, трудолюбию, мудрости, стремлению к знаниям. Наиболее широко представлены в «Пчеле» христианские авторы: святители Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Василий Великий и другие. Исследователь В. П. Адрианова-Перетц так сформулировала суть воззрений древнерусской учительной литературы на душевный мир человека:

- человек «самовластен» — своей волей совершает поступки, ведущие к добру или злу, к правде или неправде;
- именно «деяния» определяют положительную или отрицательную оценку данной человеческой личности;
- из всех свойств человека самым ценным признается ум — он лучше видит, чем зрение, лучше слышит, чем слух;
- вместе со словом разум отличает человека от животного, ум следует развивать «наказанием» (учением), а словом надо пользоваться с осторожностью, помня его силу, которая может быть и полезна и вредна человеку;
- труд — основа жизни («праздный да не ест»), отсюда осуждение лени, праздности, пьянства — всего, что отвлекает от труда;
- человек обязан уметь владеть собой, быть искренним, помогать каждому, кто нуждается в помощи, не рассчитывая, «достоин ли он ее»¹².

Разорительные годы монголо-татарского нашествия и последовавшее за ним 250-летнее иго нанесли непоправимый урон развитию русской культуры. Вообще, в XIII–XV вв. Русь выдержала более 160 войн, из которых 45 сражений с татарами, 41 — с литовцами, 30 — с немецкими рыцарями, а все остальные — со шведами, поляками, венграми и болгарам. В последовавший за игом период феодального развития в Русском государстве складывалась такая система обучения и воспитания, в которой регулярная школа как государственный и церковный институт оказалась ненужной. А педагогика не выделилась в средневековой Руси в отдельную область знания, не стала теоретической дисциплиной.

¹¹ Литература Древней Руси: Хрестомати... С. 117.

¹² Громов М. Н. Памятники древнерусской литературы как источник изучения раннего этапа отечественной педагогики // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 41–42.

Не было специальных педагогических трактатов, а идеи воспитания и обучения можно было обнаружить в самых разнообразных источниках.

Практически все исследователи проблем воспитания в России XVI в. обращаются к анализу «Домостроя», литературного памятника, составленного священником Сильвестром и представляющего собой свод правил и норм жизни зажиточной патриархальной русской семьи того времени. «Домострой» опирался на Библию, проповеднические сборники «Измарагд» и «Златоуст». Много в книге и мирского содержания. «Домострой» укреплял семейный быт русского народа с сильной властью отца и высоким нравственным авторитетом матери и был направлен на то, чтобы питомец следовал установленному порядку жизни. Для своего времени данный памятник сыграл во многом положительную роль, так как Святая Русь очень нуждалась в сильных защитниках. Главное в «Домострое» все-таки не требование наказаний за проступки (часто наказание = наставление), а воспитание ответственности перед государством, церковью, семьей. Забота о детях проявлялась в подробных советах по соблюдению гигиены и режима. Провозглашенные требования к нравственному поведению, можно сказать, объективно гуманны. Некоторые выражения в стиле письма того времени — отрицания нежелательных для доброго человека поступков. В XXV главе написано: «не солгати, не оклеветати, не завидети, не обидети чьююго, не осуждати, не бражничати, не помнить зла, не гневиться ни на кого». Другие выражения облечены в форму предписания положительных поступков: «к большим быть послушну и покорну, а к средним любовну, а к меньшим и ко убогим приветну и милостиву»¹³.

Пользе укрепления семьи и государства служили требования воспитывать в детях мужество, настойчивость, трудолюбие, бережливость, хозяйственность, «вежество» (вежливое обращение с окружающими) и другие ценные качества, позволяющие уже в детском возрасте занять достойное место в семье и в общественной жизни.

Считаем целесообразным остановиться на вопросе о трактовке ряда педагогических терминов, употреблявшихся в различных источниках и практике воспитания до XVIII в.

Как указывает российский историк и педагог Б. Б. Комаровский, осуществивший первое исследование русской педагогической терминологии, языка педагогической науки и терминологического творчества со времен Киевской Руси до Нового времени, терминология того времени была крайне условной, неточной, многозначной. Так, он приводит фрагмент из «Поучения Владимира Мономаха детям», в котором автор употребляет термин наказание в смысле «наставление»: «Се от худаго моего безумья наказание». Б. Б. Комаровский пишет, что слова в педагогических источниках и более поздних столетий (в XIV–XVII вв.) иногда встречаются в десятках значений, но постепенно полисемия преодолевалась, появлялись специальные обозначения отдельных смысловых оттенков, вытеснявшие даже исходные обозначения. Термин «наказание» употреблялся в двух значениях: учение, как наставление, нравственное поучение, приказание и как кара за нарушение приказа, т. е. наказание в современном значении слова.

¹³ Домострой / Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехина, сост. М., 1991. С. 126–128.

Б. Б. Комаровский подчеркивает, что в «Домострое» встречаются выражения: «наказание от отца к сыну», «духовное наказание»¹⁴. На основании вышеизложенного можно предположить, что содержание «Домостроя», в котором кроме уже приведенных широко использовались термины «поучение», «вразумление» (вместо современного нам «убеждение»), несло в среду воспитания не только жесткие методы его осуществления, но и крупницы человечности в обращении с «чадами» и «поучающимися» (учениками).

Важным признаком развития просветительских идей в воспитании и образовании в России до начала XVIII в. можно считать расширение возможностей для научного и профессионального образования молодых людей наряду с религиозным. Одним из средств получения такого образования, дававшего возможность затем применить знания в торговле, ремесле, медицине, дипломатических сношениях, было изучение латинского языка.

История светского образования в России начинается с деятельности двух академий — Могиланской в Киеве (1632) и Славяно-греко-латинской в Москве (1687). Обе они ориентировались на устоявшиеся на Западе схоластически-богословские методы обучения, характерные для классического университетского образования. Киево-Могиланская коллегия стала центром развития славянской культуры там, где принудительно шел процесс ее католизации. Московская Славяно-греко-латинская академия была основана как эллино-греческая академия, но постепенно преподавание греческого, так же как церковнославянского и русского языков, там было сокращено. Их место занял латинский язык, и в обиход были введены учебные пособия европейского типа на латинском языке. Московская академия для обновляемой России стала не просто традиционным богословским учебным заведением, а учреждением, дававшим общее начальное, среднее и высшее образование, местом подготовки учителей практически для всех типов зарождающейся государственной школы. В Московской академии учились ставшие впоследствии выдающимися деятелями Просвещения поэты А. Кантемир, Карион Истомин, математик Л. Магницкий, первый русский доктор медицины П. Постников, М. В. Ломоносов и многие другие.

Но нельзя считать, что европейское влияние методов воспитания на молодых россиян было прямым. К примеру, учебник «Риторики», составленный греческими монахами Иоанникием и Софронием Лихудами, способствовал защите православия. В практику воспитания входили новые идеи в своеобразном сплетении традиций православия и новейших достижений эпохи просвещения. В частности, Епифаний Славинецкий, называемый отечественными историками педагогики представителем направления, ориентированного на византийско-русскую традицию, создал труд просветительского содержания «Гражданство обычаев детских» на основе идей выдающегося мыслителя эпохи Возрождения Эразма Роттердамского. В нем он тщательно излагает рекомендации для успешного сочетания религиозно-православного воспитания, светского обучения и привития привычек правильного поведения в обществе. И хотя форма изложения обычаев была архаической, катехизической (164 правила, изложенных в во-

¹⁴ Комаровский Б. Б. Русская педагогическая терминология: теории и история. М., 1969. С. 58.

просах и ответах), рекомендации практически вполне соответствовали культурной ситуации конца XVII в. Они касались гигиены личности («на всякое утро чистой водой вымывай зубы, пальцев не облизывать, кусов хлеба под стол не метать»). Другие — общения со старшими.

«Вопрос: Что творити имать детище, аще кто на пути чести достойный срящет?»

Ответ: С пути уступить, шапку сняти, аще же славный человек или достоинства яковаго бут имать, тому поклонитися»¹⁵.

В «Гражданстве обычаев детских» есть указания ученикам учебных заведений о прилежном учении: не быть «неприлично велиглаголивому» (многословному), слушать внимательно учителя, не отвлекаться при обучении и не роптать на трудности. Таким образом, обращалось внимание учеников на необходимость учиться уважать окружающих, а также напрягать усилия для следования обычаям, позволяющим совершенствоваться в поведении.

Взаимопроникновение христианского учения и гуманных идей народной педагогики в истории культуры считается неоспоримым фактом. В разных странах, где проживали народы христианского вероисповедания, религиозные заповеди использовались для защиты человеческих жизней, человеческого достоинства, побуждения к трудолюбию, самосовершенствованию, ответственности за свое поведение, настойчивости, долготерпению в преодолении жизненных невзгод, милосердию, жалости и нежности в общежитии. Посредством использования постулатов христианства учили целые поколения щедрости, созидательному взаимодействию, умению анализировать свои действия и признавать ошибки, а также предупреждать появление отрицательных черт несправедливого поведения.

В русском государстве этот сложный процесс взаимопроникновения наблюдался на протяжении веков, начиная с принятия Русью христианства. Об этом свидетельствуют письменные источники, в частности, «учительные» произведения, в которых отражался народный опыт воспитания детей и взрослых.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что в российском обществе на протяжении ряда веков, вплоть до XVIII в., развивались идеи человеческого отношения к воспитуемым и воспитуемым к окружающим людям. Одна из них — бескорыстное участие грамотных людей, мастеров в обучении детей. В этом, в частности, проявлялось национальное своеобразие патриотизма русского народа, его национальное самосознание.

Глубокие традиции народной и православной педагогики способствовали тому, что многие искренне верили во всеобщее благоденствие и желали его для всего народа, развивали общинные нормы жизни, в том числе и в воспитании детей «всем миром».

Самобытность понимания просвещения у русского народа выражалась в стремлении обеспечить бессмертие рода. А укрепление многодетной и многопоколенной семьи было одной из форм проявления любви к родной земле, служения Родине, ее благополучию.

Глубоко гуманными были идея и практика научения «жизнь для других», учитывать потребности других людей — без ущерба для них и себя. Это помога-

¹⁵ Громов М. Н. Указ. соч. С. 43–44.

ло молодым осознавать свое место в человеческом сообществе, ответственность перед окружающими.

В «учительных» произведениях Древней Руси отражен народный опыт целенаправленного воспитания любви ко всему живому, трезвости, выносливости в труде и преодолении жизненных невзгод; умения не вызывать озлобленности людей в общении, а также широкого использования приемов предупреждения отроков о возможных негативных последствиях нарушения норм общежития.

Идеи организации воспитания и образования на основе человечности всегда жили в русском обществе. До начала XVIII в. реформы, предпринятые Петром I, не были востребованы для широкой реализации. Но они явились прочным основанием для развития просветительских тенденций в образовании и воспитании в XVIII в., когда новая социально-экономическая ситуация побудила передовых людей осмысливать жизненный опыт, а знакомство с педагогическими идеями западноевропейской культуры всколыхнуло самобытное мышление россиян.

Ключевые слова: народная педагогика, гуманизм, Церковь, православие, воспитание, ценности, семья, творчество.

ORTHODOX TEACHING IDEAS IN EDUCATION IN RUSSIA BEFORE THE XVIII CENTURY (ON MATERIALS OF FOLK ORAL TRADITION AND OLD WORKS)

M. GONCHAROV

The article presents the results of a study on the establishment and development of the system of education in Russia before the XVIII century. It is shown that by the beginning of XVIII century in the Russian state there was an original true Russian Orthodox paradigm of education based on the deep traditions of folk and Orthodox pedagogy, which contributed to the fact that many sincerely believed in the General prosperity, and longed for his whole nation, has developed community standards of living, including, and in the education of children all together. Originality understanding of education of the Russian people expressed in the quest for the immortality of the kind. A strengthening of the large family was one of the manifestations of love for his native land, serve the motherland, its well-being. Deeply humane were the idea and practice of the teachings of «living for others», to consider the needs of others — without prejudice to himself. This helped the young aware of their place in the human community, the education of responsibility to others. The «didactic» works of ancient Russia reflected the people's experience of purposeful education of love for all living things, sobriety, endurance, and work to overcome the ills of life; the ability to not cause angry people to communicate, as well as the widespread use of prevention methods of the young men about the possible negative consequences of violations of the hostel rules. These findings

were based on a comprehensive analysis of the works of ancient «Bee», «the Precept of Volodymyr Monomakh to the children», «children's Citizenship practices» Epiphany Slavinskogo, analysis of the activities of the academies — Mohyla in Kiev and the Slavic-Greek-Latin in Moscow.

Keywords: folk pedagogy, humanism, Church, Orthodoxy, education, values, family, creativity.

Список литературы

1. *Афанасьев Т. М.* Семейные портреты. М., 1985.
2. *Громов М. Н.* Памятники древнерусской литературы как источник изучения раннего этапа отечественной педагогики // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 41–42.
3. Домострой / Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехина, сост. М., 1991. С. 126–128.
4. *Комаровский Б. Б.* Русская педагогическая терминология: теории и история. М., 1969. С. 58.
5. *Корнетов Г. Б.* Гуманистическое образование: традиции и перспективы. М., 1993. С. 74–75.
6. *Кошелева О. Е.* «Душевное строение» в Древней Руси // Свободное воспитание. М., 1992. Вып. 1. С. 15–18.
7. *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 270.
8. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Л. А. Дмитриев, сост. М., 1990. С. 116.
9. Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) / В. В. Колесов, пер. М., 1989. С. 45–47.
10. *Тарасов Б. П.* Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // П. Я. Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989. С. 9.
11. Школа педагогики в культуре Древней Руси. Ч. 1 / О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова, сост. М., 1992. С. 75–76.